

Быһах ‘нож’ в якутской языковой картине мира

Алевтина А. Скрыбина

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Россия

В статье представлен лингвокультурологический анализ концепта «быһах» ‘нож’ в якутской языковой картине мира с привлечением корпуса лексикографических, паремiologicalических и фольклорных источников. Исследуется понятийное ядро концепта, представленное лексемой «быһах» и её разветвленной синонимией и видовой дифференциацией (бадаайы, батас, батыйа, үрүөх, хотохоон, гэндээ, үрүөх). Особое внимание уделяется образу ножа в традиционной культуре, его символической связи с маскулинностью; рассматриваются функции антропометрического эталона и роли семиотического индикатора родственных связей, что отражено в паремииологии и фольклоре.

Отмечается глубокая сакрализация артефакта: выявлен и проанализирован ряд эвфемистических субститутов (кырыылаах, отойор и др.), используемых в охотничьей практике. Это свидетельствует о включении ножа в сферу ритуализированной коммуникации и табу. Установлено, что концепт выполнял ключевые функции в обрядовых практиках: выступал как инструмент шаманской медиации, мощный оберег и объект строгих поведенческих норм.

Делается вывод о трансформации статуса якутского ножа в современности: от утилитарно-ритуального предмета он превратился в один из ключевых репрезентативных брендов и материальных символов этнокультурной идентичности Якутии. Исследование подтверждает, что концепт быһах ‘нож’ представляет собой многомерное образование, в котором сплетаются языковые, мифологические, социальные и аксиологические коды народа саха.

Ключевые слова: концепт культуры; быһах; нож; якутский язык; якуты; якутская культура; языковая картина мира; эвфемизация; языковое табу

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-18-00703 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с домашней утварью и посудой: сравнительно-исторический аспект».

Для цитирования:

Скрыбина А. А. Быһах ‘нож’ в якутской языковой картине мира // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 363-379. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.21>

Скрыбина Алевтина Афанасьевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Адрес: Россия, г. Якутск, 677027, ул. Петровского, д. 1. Эл. адрес: alevtinaskr@gmail.com

SCRYABINA, Alevtina Afanasyevna, Candidate of Philological Sciences, Researcher, Department of the Yakut Language, Institute for Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 1 Petrovskogo Str., 677027, Russia, Yakutsk. E-mail: alevtinaskr@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8677-9320

Byyhakh 'knife' in the Yakut Linguistic Worldview

Alevtina A. Skryabina

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation*

The article presents a linguoculturological analysis of the concept "byyhakh" 'knife' in the Yakut (Sakha) linguistic worldview, drawing on a corpus of lexicographic, paremiological, and folklore sources. The study examines the conceptual core of the term, represented by the lexeme "byyhakh" and its ramified synonymy and specific differentiation (badaai, batas, batyya, üriökh, khotokhoon, gend'yee, üriökh). Attention is paid to the image of the knife in traditional culture and its symbolic association with masculinity; the article considers its functions as an anthropometric standard and as a semiotic indicator of kinship relations, as reflected in proverbs and folklore.

The analysis reveals profound sacralization of the artifact. A range of euphemistic substitutes (kyryylaakh, otoyor, and others) used in hunting practice is identified and described, indicating the inclusion of the knife in a sphere of ritualized communication and taboo. It is established that the concept performed key functions in ritual practices: it acted as an instrument of shamanic mediation, a powerful protective charm, and an object governed by strict behavioral norms.

The article concludes that the status of the Yakut knife has undergone transformation in modern times: from a utilitarian object it has become one of the key representative brands and material symbols of the ethnocultural identity of Yakutia. The study confirms that the concept "byyhakh" 'knife' constitutes a multidimensional formation in which linguistic, mythological, social, and axiological codes of the Sakha people are intertwined.

Keywords: cultural concept; byyhakh; knife; Yakut language; Yakuts; Yakut culture; linguistic worldview; euphemization; linguistic taboo

Financing

The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 25-18-00703 "A study of Turkic and Mongolic vocabulary of material culture relating to domestic utensils and tableware: a comparative-historical perspective."

For citation:

Skryabina A. A. Byyhakh 'knife' in the Yakut Linguistic Worldview. *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 363-379. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.21>

Введение

В современной лингвистике в русле антропоцентрической парадигмы наблюдается устойчивый рост интереса к лексике материальной культуры как ключу к реконструкции языкового сознания. Теоретической основой данного направления служит понимание концепта как многомерного ментального образования. Вслед за Ю. С. Степановым мы трактуем концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» (Степанов, 2004: 43), что особенно релевантно для артефактов, где предметное значение неразрывно связано с историческим опытом и аксиологическими коннотациями. Данное исследовательское поле активно развивается, о чём свидетельствуют работы, посвящённые как широким сферам («еда», см.: Шхумишхова, Сапиева, 2022; Машкович, 2020), так и отдельным артефактам: чаю и пиале у калмыков (Есенова Т. Б., Есенова Т. С., 2012, 2025), юрте в киргизской и тувинской культурах (Абдраза-

кова, 2022; Дербишева, 2023), посуде в татарском языке (Замалетдинов, Хуснуллина, 2014). Исследования активно используют лингвокультурологический и когнитивный подходы, привлекая данные паремиологии (Жданова, 2024) и фольклора (Бочина, 2025). Однако при очевидном интересе к материальной культуре, концепт ножа в тюркских языках, и, в частности, в якутском, не становился объектом комплексного лингвокультурологического анализа. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел.

Концепт *byhax* 'нож' занимает уникальное положение в якутской языковой картине мира, что обусловило выбор его в качестве объекта данного исследования. В культурах, чье формирование и существование исторически было связано с суровыми природными условиями и комплексным хозяйствованием (охота, скотоводство, рыболовство), базовые инструменты, применяющиеся для жизнеобеспечения, разделки добычи, защиты и бытовых нужд, неизбежно сакрализуются и обрывают сложной семиотикой. Концепт *byhax* 'нож' в якутской языковой картине мира является ярким примером такого синтеза: выходя за рамки наименования простого орудия труда, данное понятие аккумулирует в себе концентрированное выражение системы ценностей, норм поведения и картины мира народа саха. Эволюция данного концепта демонстрирует диахронический переход от статуса утилитарного артефакта в рамках охотничье-собирательской экономики к роли статусного культурного символа и маркера этнической идентичности. Якутский нож сегодня функционирует как один из ключевых репрезентативных брендов Республики Саха (Якутия), занимая равное место в ряду таких универсальных культурных кодов, как хомус (варган), алмазы и героический эпос олонхо¹.

Якутский нож хорошо изучен в ряде научных направлений: этнографическом, археологическом, а также в аспекте этимологии. Фундаментальное значение имеют труд В. Л. Серошевского, зафиксировавший морфологические характеристики и хозяйственную роль ножа в традиционном быту якутов (Серошевский, 1993: 382–384). Вопросы происхождения и эволюции ножа на материале археологических раскопок рассматриваются в работах А. Н. Алексеева (Алексеев, 1996: 26–34), И. В. Константинова (Константинов, 1978: 24–25). Наиболее полная характеристика типологии якутского ножа, его конструктивных особенностей и традиций бытования представлена в монографии Н. И. Егорова «Якутский нож» (Егоров, 2015). Локальные особенности клинков, характерные для Таттинского района, описаны в статье Д. Е. Малышева (Малышев, 2025). Определенный вклад в изучение ножевой традиции вносит исследование В. Г. Попова, посвященное наименованиям видов старинного якутского наступательного холодного оружия как объекта сравнительного анализа (Попов, 2019: 110–111). В современной научной литературе также освещаются вопросы технологической эволюции ножа: в работе Э. А. Аргуновой и О. Г. Кривошапкиной рассматривается синтез традиционных приемов кузнечного ремесла и инновационных технологий (Аргунова, Кривошапкина, 2024); исследование А. С. Акимовой и Е. П. Федоровой посвящено терминологическому аппарату, анализу кузнечных терминов и способам их терминообразования (Акимова, Федорова, 2021).

При всей значимости перечисленных работ концепт *byhax* 'нож' до сих пор не рассматривался как целостное лингвокультурологическое образование, интегрирующее языковые, мифологические, социальные и аксиологические коды. За рамками исследований оставался вопрос о том, как именно нож, будучи материальным артефактом, структурирует картину мира, выступает этическим регулятором, маркером идентичности и объектом сакрализации. Оригинальность предлагаемого подхода заключается в смещении фокуса с описания ножа как предмета материальной культуры на реконструкцию концепта — ментального образования, в котором сконцентрированы ценностные установки и культурный опыт народа саха. Это позволяет восполнить существующий пробел и представить якутский нож не просто как инструмент или этнографический экспонат, а как ключевой элемент языковой картины мира, сохраняющий актуальность в современном социокультурном пространстве.

Цель исследования заключается в осуществлении комплексного лингвокультурологического анализа концепта *byhax* 'нож' в якутской языковой картине мира. Объект исследования — концепт *byhax* 'нож' как фрагмент якутской языковой картины мира и лингвокультурный феномен. Предмет

¹ Якутский нож — гордость народа саха [Электронный ресурс] // ЯСИА. 2016, 2 ноября. URL: <https://archive.ysia.ru/obshhestvo/yakutskij-nozh-gordost-naroda-saha/> (дата обращения: 11.03.2026).

исследования — языковые средства якутского языка, вербализующие концепт *быһах* ‘нож’, и особенности их функционирования в якутской языковой картине мира.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи:

- раскрыть понятийное содержание концепта *быһах* ‘нож’ путем анализа дефиниций, этимологических истоков и морфологических характеристик традиционного якутского ножа;
- систематизировать лексико-семантические группы номинаций, репрезентирующих структуру концепта, и выявить иерархические отношения «ядро — периферия» в его семантическом поле;
- охарактеризовать образный компонент концепта на материале фольклорных текстов, паремологии и мифологических представлений, выявить основные группы образов, связанных с ножом;
- исследовать ценностный компонент концепта, включая феномен табуирования и эвфемизации лексемы *быһах* в контексте охотничьих культов и сакральных практик народа саха;
- определить актуальное состояние и тенденции трансформации концепта *быһах* ‘нож’ в современном социокультурном пространстве Республики Саха (Якутия).

Вслед за ведущими представителями отечественной лингвокультурологии (Лихачев, 1997; Карасик, Слышкин, 2001; Воркачев, 2004; Степанов, 2004; Попова, Стернин, 2007) мы рассматриваем концепт *быһах* ‘нож’ как многомерное образование, выделяя для его анализа понятийное, образное и ценностное ядро. Данный подход позволяет провести системный анализ, выявив не только логическое ядро концепта *быһах* ‘нож’, но и его культурно-специфическую образность и аксиологические коннотации, что в совокупности и составляет предмет настоящего исследования в рамках якутской языковой картины мира. В работе применяются общенаучные методы описания и сравнения, собственно лингвистические методы компонентного, контекстуального, семантического анализа, концептуальный анализ.

Источниковую базу исследования составляют языковые данные, извлеченные методом сплошной выборки из лексикографических источников якутского языка¹. Для проведения типологических параллелей и выявления этнокультурной специфики привлекаются данные словарей других тюркских и монгольских языков².

Понятийное содержание концепта

Применяя описанный методологический подход, обратимся сначала к анализу понятийного ядра концепта, репрезентированного в лексико-семантическом поле якутского языка.

Ядерной лексемой, вербализующей концепт *быһах* ‘нож’ в якутском языке, является одноименное слово *быһах*, этимологически восходящее к общетюркскому лексическому фонду. Семантичес-

¹ Тылдьыт. Саха тылын быһаарылаах улахан тылдьыта. СӨ судаарыстыбаннай уонна дьин таһымнаах тылларын харыстааһын уонна сайыннары чэрчитинэн анал бырайыак. Главная страница [Электронный ресурс] // Тылдьыт. Саха тылын быһаарылаах улахан тылдьыта [Большой толковый словарь якутского языка]. URL: <http://igi.ysn.ru/btsja/> (дата обращения: 28.01.2026); Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. 2-е изд. Ленинград: Издание АН СССР, 1958; Попов Г. В. Этимологический словарь якутского языка = Саха тылын этимологическай тылдьыта / отв. ред. П. А. Слепцов. Новосибирск: Наука, 2003. Ч. 1. А-Дь; Диалектологический словарь якутского языка = Саха тылын диалектологическай тылдьыта: содержит свыше 8500 слов / сост. П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976.

² Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969; Алтайско-русский словарь=Алтай-оруссозлик / редакционная коллегия: А. Э. Чумакаев (отв. ред.) и др. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2018; Хакасско-русский словарь=Хакас-оруссостик: (ок. 22 тыс. слов) / под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006; Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968; Севортян Э. В. Этимологический словарь: Общетюркские и межтюркские основы на букву “Б”. М.: Наука, 1978; Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы “Л”, “М”, “Н”, “П”, “С” / отв. ред. А. В. Дыбо. М.: Восточная литература, 2003; Кручин Ю. Большой современный русско-монгольский — монгольско-русский словарь = Орос-монгол — монгол-орос орчин усийн хэлний дэлгэрэнгүй толь бичиг. М.: АСТ; Восток-Запад, 2006; Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2016. Т. II. G-P; Мыреева А. Н. Эвенкийско-русский словарь = Эвэды-лучады турэрук: около 30000 слов. Новосибирск: Наука, 2004.

кое наполнение данной лексемы в якутском языке раскрывается через дефиницию: *быһах* — «инструмент с заточенной с одной стороны металлической частью (лезвием), удлиненной и узкой формы, укрепленной в рукояти»¹. В Словаре якутского языка Э. К. Пекарского приводится расширенная синонимия: «нож, кинжал, меч»². Слово в различных фонетических вариантах наличествует в других тюркских языках: др.-тюрк. *bičäk* 'нож'³, алт. *бычак* 'нож; резец'⁴, хак. *пычак* 'нож, ножик'⁵, тув. *бижек* 'нож'⁶. В тюркологии реконструируемая праформа *bučag* 'нож' рассматривается как отглагольное производное от основы *buč-* / *bič-* со значением 'кроить, резать', которая, в свою очередь, возводится к праформе *bī* со значением 'лезвие', 'острие', 'нож'⁷. В якутском языке слово *быһах* закономерно образовано от глагольной основы *быс-* 'отрезать, резать, порезать', что отражает характерный для тюркских языков способ номинации инструмента через действие, для которого он предназначен.

Специфика понятийного содержания концепта *быһах* 'нож' во многом обусловлена уникальными морфологическими характеристиками традиционного якутского ножа, которые находят отражение в его языковой репрезентации. Как отмечает этнограф В. Л. Серошевский, традиционный якутский нож характеризуется следующими параметрами: длина клинка редко превышает 4 дюйма (~10 см), при ширине около ½ дюйма (~1,3 см). Клинок обладает прямой тупой спинкой, острым концом пальмовидной формы и слегка вытянутым лезвием. Конструктивной особенностью является асимметричная заточка: левая сторона клинка имеет сплошную фаску, в то время как правая сторона у качественных экземпляров остаётся слегка вогнутой. Хвостовик, предназначенный для монтажа в деревянную или костяную рукоять, вдвое короче лезвия (Серошевский, 1993: 382). Дополнительные свойства ножа описывает А. Я. Уваровский, указывая на его высокую гибкость — клинок гнётся вплоть до черенка. Несмотря на относительную мягкость металла, такой нож способен резать незакалённое железо, подобно олову, не теряя остроты лезвия и не подвергаясь остаточной деформации (Уваровской, 2003: 115).

Понятийное содержание концепта *быһах* 'нож' формируется на пересечении двух измерений: лингвистического (этимологическая связь с общетюркской глагольной основой *buč-* / *bič-* 'резать', определяющая номинацию инструмента через его функцию) и этнографического (уникальные морфологические характеристики — асимметричная заточка, пропорции клинка, гибкость металла). Данный синтез языковой универсалии и культурной специфики обуславливает особое положение концепта в якутской картине мира, отличающее его от соответствующих концептов в других тюркских языках.

Структура концепта «*быһах*» 'нож': лексико-семантические группы и периферия

Лексико-семантический анализ синтагматических связей лексемы *быһах* позволяет выявить обширную систему номинаций, отражающую глубокую видовую дифференциацию соответствующего концепта в якутской языковой картине мира. Зафиксированные в словарных источниках и диалектном материале единицы могут быть классифицированы на несколько лексико-семантических групп (ЛСГ) по принципу функциональной специализации:

1. Гипероним и базовые функциональные типы: *быһах* — родовидовой гипероним ('нож'), *дьиэ уот быһаҕа* 'бытовой нож' — обобщающий утилитарный термин;

¹ Тылдьыт. Саха тылын быһаарылаах улахан тылдьыта. СӨ судаарыстыбаннай уонна дьин таһымнаах тылларын харыстааһын уонна сайыннары чэрчитинэн анал бырайыак. Главная страница [Электронный ресурс] // Тылдьыт. Саха тылын быһаарылаах улахан тылдьыта [Большой толковый словарь якутского языка]. URL: <http://igi.ysn.ru/btsja/> (дата обращения: 28.01.2026).

² Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. 2-е изд. Ленинград: Издание АН СССР, 1958. Т. 1. Стлб. 633.

³ Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. С. 98.

⁴ Алтайско-русский словарь = Алтай-оруссөзлик / ред. коллегия: А. Э. Чумакаев (отв. ред.) и др. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2018. С. 687.

⁵ Хакасско-русский словарь = Хакас-оруссөстик: (ок. 22 тыс. слов) / под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. С. 414.

⁶ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. С. 101.

⁷ Севортян Э. В. Этимологический словарь: Общетюркские и межатюркские основы на букву "Б". М.: Наука, 1978. С. 159.

2. Ножи по сфере профессиональной и хозяйственной деятельности: *булт быһаҕа* 'охотничий нож', *булт быһыччата* 'ножичек охотничий', *ойуу быһах / ойуу быһар быһычча* 'нож/ножичек для резьбы (по дереву, для орнаментов)', *мас ууһун онгор-хаһар быһыччата* 'ножичек мастера по дереву', *тирии быһаҕа* 'нож для кожи', *түүлээхсит быһаҕа* 'нож скорняжный', *отохут быһыччыта* 'ножичек лекарский для кровопускания', *иистэнньэн быһыччыта* 'швейный ножичек';

3. Ножи для обработки продуктов и сырья: *ас быһаҕа* 'кухонный нож', *болоһо быһах* 'простой кухонный нож', *эт быһаҕа* 'нож для мяса', *ньууча быһаҕа* 'нож хлебoreзный', *арыы быһаҕа* 'нож для масла', *муус анньар быһах* 'нож для колки льда', *кырынаас сүлэр быһычча* 'ножичек для снятия шкуры горностая', *таба сүлэр быһычча* 'ножичек для снятия оленьей шкуры', *саары сүлэр быһах* 'тупоконечный нож для съема шкуры', *үрүөх үрэр быһах* 'нож для очистки мездры шкуры';

4. Ножи по конструктивным особенностям: *биричиинэй быһах* 'перочинный, складной нож', *тосту тутар быһах* 'небольшой складной карманный нож', *халдаҕар быһах* 'нож с широким клинком', *быһах эрби* 'ножовка (пила)', *быыра быһах* 'большой метательный нож', *изт быһах / хамыйах хаһар изт быһах* 'двулезый изогнутый нож для выдалбливания (посуды, половника)', *мас быһах* 'деревянный нож';

5. Ножи по признаку пользователя: *дьахтар быһыччата* 'ножичек женский', *уол оҕо кыччанар быһыччата* 'нож строгальный для мальчика-подростка'.

Так, представленная систематизация демонстрирует, что лексема *быһах* является ядром сложного семантического поля, в котором классифицирующими признаками выступают функция, конструкция, обрабатываемый материал и социальный контекст использования.

Лексема *быһах* обладает продуктивным словообразовательным гнездом, включающим глаголы *быһахтаа* 'снабжать ножом', *быһахтан* 'хвататься за нож, угрожать ножом', *быһахтас* 'драться на ножах', а также отглагольное существительное *быһахтаһыы* 'поножовщина', которые маркируют семантику инструментальности, а также агрессии. Кроме того, парадигма номинативных производных включает существительные с деривационными аффиксами субъективной оценки: *быһычча* (*быһах* + *-ычча*) и *быһыйа* (*быһах* + *-ыйа*), оба со значением 'небольшой нож, ножик'.

К периферии лексико-семантического поля концепта *быһах* 'нож' относятся следующие лексемы: *бадаайы* 'большой нож', *батас* 'старинное холодное оружие', *батыйа* 'короткая пальма', *үрүөх* 'изогнутый нож для скобления шерсти или мездры', *хотохоон* 'ножичек', *гэндээ* 'нож; кинжал'.

Лексема *бадаайы* обозначает специализированную разновидность ножа крупного размера и значительного веса. Данный инструмент применялся для выполнения трудоёмких хозяйственных задач: долбления льда, рубки молодых деревьев (лиственницы, тальника), а также разделки мяса и крупной дичи; длина его клинка составляла 21–24 см (Егоров, 2015: 125). Лексикографические источники фиксируют значение 'большой якутский нож или ковш'¹, 'грубо отделанный, топорный, тяжеловесный; большой и длинный (об остроконечных предметах)', 'ножища'². Этимология слова *бадаайы* остаётся дискуссионной и определяется как неясная. Однако в рамках структурного анализа можно выделить корневой глагольный элемент *бад-*, которому исследователи реконструируют первичное значение 'вонзать', 'втыкать'³. Следовательно, с семантической точки зрения, *бадаайы* могло возникнуть как отымённое образование со значением 'то, чем вонзают (ударяют, пробируют)'. Так, значение слова *бадаайы* определяется не просто большим размером, а спецификой его применения — ударно-колющим действием, что и отличает данный тип ножа от других в якутской традиции.

Лексема *батас* в якутском языке обозначает 'старинное холодное оружие в виде большого ножа, насаженное на длинную рукоятку'⁴. В словаре Э. К. Пекарского зафиксированы следующие зна-

¹ Тылдыт. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта. СӨ судаарыстыбаннай уонна дьын таһымнаах тылларын харыстааһын уонна сайыннарыы чэрчитинэн анал бырайыак. Главная страница [Электронный ресурс] // Тылдыт. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта [Большой толковый словарь якутского языка]. URL: <http://igi.ysn.ru/btsja/> (дата обращения: 28.01.2026).

² Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. 2-е изд. Ленинград: Издание АН СССР, 1959. Т. 1. Стлб. 331.

³ Попов Г. В. Этимологический словарь якутского языка=Саха тылын этимологическай тылдьыта / отв. ред. П. А. Слепцов. Новосибирск: Наука, 2003. Ч.1. А-Дь. С. 107.

⁴ Тылдыт. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта. ...

чения: 'древнее воинское оружие, пальма, род огромного ножа, около 10 вершков длиной и не менее вершка шириной, лезвие с одной стороны, рукоятка не менее двух аршин длиной; оружие при охоте на медведей, отказ (у долганских бойцов); копье с длинным широким, пожевидным лезвием и короткой рукоятью; оно прямое и прямо положено на рукоятку, им можно и колоть и рубить; обыкновенный кинжал, как местное оружие'¹. Выделяются следующие разновидности *батас*: *саабыла батас* 'большая пальма', *үгүү батас* 'копье-пальма' и *салбах батас* 'коса'. В современном якутском языке семантика данной лексемы претерпела расширение и метафоризацию, приобретая переносное значение 'мощная сила, средство или опора в борьбе с кем-либо или чем-либо'². Например, П. А. Ойуунускай поэзияны олус таптыыра. Поэзия киниэхэ — доҕоро, охсуһар батаһа, көтөр кыната этэ 'П. А. Ойунский очень любил поэзию. Поэзия для него — друг, его боевая пальма, его крылья'³.

Относительно происхождения лексемы *батас* в научной литературе представлены три основные гипотезы.

1. Монгольская версия. Э. К. Пекарский отмечал соответствие слова *батас* камчатско-русскому и колымско-русскому *батас* в значении 'ножище, тесак'⁴. С. Калужинский предложил монгольскую этимологию, сопоставляя якутское слово с прамонгольским *мадаган* и его рефлексам (халх. *матга*, бур. *мадага*) (Калужинский, 1978: 111). Однако данная версия признаётся фонетически несостоятельной, поскольку не объясняет закономерный переход монгольского интервокального *-g-* в якутское *-с-*, что противоречит установленным звуковым соответствиям.

2. Версия внутренней деривации. Н. К. Антонов выдвинул гипотезу о происхождении *батас* от глагольной конструкции *батыры ас* 'вонзить', мотивируя это колющей функцией оружия (Антонов, 1977: 109). Данная гипотеза, однако, представляет собой пример народной этимологии и не находит строгого лингвистического подтверждения в силу отсутствия регулярных словообразовательных моделей.

3. Тюркская версия. Наиболее аргументированной в современной тюркологии является этимология, представленная Г. В. Поповым. Исследователь предлагает два вероятных пути происхождения: а) от тюркской основы *балту* / *балду* 'секира', 'топор' с последующим добавлением суффикса и редукцией согласного; б) от древнетюркского глагола *бат-* 'погружаться, нырять' (ср. якут. *батыры* 'вглубь', *батыры оһус* 'всадить', *батыры ас* 'вонзить')⁵. Оба варианта являются семантически мотивированными: первый связывает название с классом ударно-рубящего оружия, второй — с характерным для батаса проникающим, колющим действием.

Лексема *батыһа* определяется как разновидность холодного оружия — короткая пальма, представляющая собой широкий клинок, насаженный на укороченное древко. Словарные дефиниции подчёркивают её функциональную специфику: 'старинное холодное оружие с короткой рукояткой, с клинком длиной в полтора пяди'⁶; 'пальма, короткое охотничье копье в виде широкого и толстого ножа, укрепленного в березовом древке; отказ, острога; мясничий нож'⁷.

В отношении этимологии *батыһа* существуют две основные версии:

1. Версия внутреннего образования. Словообразовательный анализ позволяет интерпретировать *батыһа* как диминутивное производное от основы *батас*. Образование произошло путём присо-

¹ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. 2-е изд. Ленинград: Издание АН СССР, 1959. Т. 1. Стлб. 403.

² Тылдыт. Саха тылын быһаарылаах улахан тылдыта. СӨ судаарыстыбаннай уонна дьин таһымнаах тылларын харыстааһын уонна сайыннары чэрчитинэн анал бырайыак. Главная страница [Электронный ресурс] // Тылдыт. Саха тылын быһаарылаах улахан тылдыта [Большой толковый словарь якутского языка]. URL: <http://igi.ysn.ru/btsja/> (дата обращения: 28.01.2026).

³ Там же.

⁴ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. 2-е изд. Ленинград: Издание АН СССР, 1959. Т. 1. Стлб. 403.

⁵ Попов Г. В. Этимологический словарь якутского языка=Саха тылын этимологическай тылдыта / отв. ред. П. А. Слепцов. Новосибирск: Наука, 2003. Ч.1. А-Дь. С. 129.

⁶ Тылдыт. Саха тылын быһаарылаах улахан тылдыта. СӨ судаарыстыбаннай уонна дьин таһымнаах тылларын харыстааһын уонна сайыннары чэрчитинэн анал бырайыак. Главная страница [Электронный ресурс] // Тылдыт. Саха тылын быһаарылаах улахан тылдыта [Большой толковый словарь якутского языка]. URL: <http://igi.ysn.ru/btsja/> (дата обращения: 28.01.2026).

⁷ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. 2-е изд. Ленинград: Издание АН СССР, 1958. Т. 1. Стлб. 410.

единения к этой основе уменьшительно-ласкательного суффикса *-ыйа*, что типологически аналогично образованию *быһыйа* (*быһах* + *-ыйа*);

2. Монгольская версия. В. Г. Попов, наряду с тюркскими версиями происхождения, отмечает возможность связи *батыйа* с бурятским *батаа*, что, однако, требует дальнейшего фонетического и сравнительного обоснования (Попов, 2019: 107).

Лексема *үрүөх* в современном якутском языке функционирует как архаизм, обозначающий специализированный инструмент для выделки кожи: 'изогнутый нож для скобления шерсти или мездры'¹. Данное слово образовано от основы глагола *үр-* 'скоблить, счищать (мездру с кожи)' посредством деривационного суффикса *-үөх (-ых)*, типичного для образования названий инструментов и орудий в якутском языке (ср. *кыһах* 'скребок', *аалых* 'напильник'). В якутском языке слово *үр* является омонимом: *Үр I* — 'веять, нести струи воздуха, дуть (о ветре)', 'выпускать ртом сильную струю воздуха, дуть'. *Үр II* — 'издавать лай, лаять (о собаке)', 'выражать свое недовольство, в грубых, резких словах, браниться'². Э. К. Пекарский проводит прямую параллель между якутским *үр* и общетюркским корнем *sür-* со значениями 'тереть, растирать, скоблить, строгать', а также с монгольским *өрү-* 'тереть'³. В «Этимологическом словаре тюркских языков» праформа *sür-* реконструируется как общетюркская с широким семантическим полем, включающим действия механического воздействия на поверхность: 'тереть; строгать (рубанком, фуганком); скоблить; смазывать; вычеркнуть'⁴. Особый интерес представляет семантическое развитие в тувинском языке, где глагол *сүрер/сүр* помимо базовых значений 'гнать; преследовать' сохраняет архаичную производную семантику, непосредственно связанную с кожевенным ремеслом: 'очищать кожу (от сухожилий, остатков мяса, сала при выделке)'⁵.

Лексема *хотохоон* в якутском языке является синонимическим обозначением ножа ('ножичек')⁶. Этимологический анализ Э. К. Пекарского, а также данные современных сравнительно-исторических исследований свидетельствуют о её монгольском происхождении. Пекарский указывает на непосредственные соответствия: монг. *кутуџа* 'нож, ножик' и бурят. *хотоџо* 'нож'⁷. Современные словари подтверждают устойчивость этой лексемы: так, монгольское *хутга* фиксируется со значением 'нож'⁸. Наиболее полную реконструкцию семантической и фонетической эволюции этого термина предлагают материалы «Этимологического словаря монгольских языков», где приводится прамонгольская форма *kituγ-a* (транскрибируемая так же как *qituγa*) со значением 'нож'. Из этой праформы закономерно развились все засвидетельствованные современные формы: халх. *хутга*, бур. (вост.) *хутага*, (зап.) *хотёго*, бао. *хутоџо* 'нож'⁹. Параллельно существует альтернативная версия, связывающая *хотохоон* с тунгусо-маньчжурскими языками. Согласно этой точке зрения, лексема могла произойти от общетунгусо-маньчжурского корня *кото* 'большой нож' с добавлением уменьшительного аффикса *-коон* (Попов, 2019: 107). Ср. эвенк. *кото* 'нож', 'пальма'¹⁰.

¹ Тылдыт. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта. СӨ судаарыстыбаннай уонна дьинг таһымнаах тылларын харыстааһын уонна сайыннарыы чэрчитинэн анал бырайыак. Главная страница [Электронный ресурс] // Тылдыт. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта [Большой толковый словарь якутского языка]. URL: <http://igi.ysn.ru/btsja/> (дата обращения: 28.01.2026).

² Там же.

³ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. 2-е изд. Ленинград: Издание АН СССР, 1959. Т. 3. Стлб. 3165.

⁴ Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы "Л", "М", "Н", "П", "С" / отв. ред. А. В. Дыбо. М.: Восточная литература, 2003. С. 392.

⁵ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. С. 393.

⁶ Тылдыт. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта. СӨ судаарыстыбаннай уонна дьинг таһымнаах тылларын харыстааһын уонна сайыннарыы чэрчитинэн анал бырайыак. Главная страница [Электронный ресурс] // Тылдыт. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта [Большой толковый словарь якутского языка]. URL: <http://igi.ysn.ru/btsja/> (дата обращения: 28.01.2026).

⁷ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. 2-е изд. Ленинград: Издание АН СССР, 1959. Т. 3. Стлб. 3533.

⁸ Кручин Ю. Большой современный русско-монгольский - монгольско-русский словарь = Орос-монгол - монгол-орос орчин усийн хэлний дэлгэрэнгүй толь бичиг. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. С. 864.

⁹ Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2016. Т. II. G-P. С. 131.

¹⁰ Мыреева А. Н. Эвенкийско-русский словарь = Эвэды-лучады турэррук: около 30000 слов. Новосибирск: Наука, 2004. С. 306.

Лексема *гэндьээ* представляет собой диалектный синоним термина *быһах* 'нож', зафиксированный в говорах якутского языка. *Гэндьээ* — Анабарский район, долганский язык. *Улахан быһах* 'нож большого размера, кинжал'¹. Фонетический облик лексемы (*гэндьээ* / *кэндьээ*) и наличие вариативности начального согласного (*г*-/*к*-) может указывать на её возможное заимствование. Одним из вероятных источников может выступить лексика тунгусо-маньчжурских народов, с которыми якуты контактировали в процессе расселения по Сибири. М. С. Воронкин считает, что обнаружение начального звонкого согласного *г*- в есейском говоре на месте глухих согласных *к*-, *х*- обусловлено эвенкийским влиянием (Воронкин, 1984: 61, 62).

Так, концепт *быһах* 'нож' в якутском языке обладает выраженной иерархической структурой «ядро — периферия». Ядро концепта репрезентировано лексемой *быһах*, что подтверждается её высокой словообразовательной продуктивностью и развитой внутривидовой дифференциацией. Периферию составляют лексические единицы, классифицирующие ножи по функциональной специализации: хозяйственно-бытовые (*ас быһаҕа* 'кухонный', *дьиз-уот быһаҕа* 'бытовой'), профессиональные и промысловые (*булт быһаҕа* 'охотничий', *тирии быһаҕа* 'нож для кожи'), а также конструктивные типы (*биричиинэй быһах* 'складной', *халдаҕар быһах* 'с широким клинком'). Периферийную зону дополняют синонимичные номинации (*бадаайы*, *батас*, *батыйа*, *үрүөх*, *хотохоон*, *гэндьээ*), функционально специализированные или стилистически маркированные.

Образный (репрезентативный) компонент

Образный компонент концепта, представляющий собой совокупность чувственных представлений, метафор и символических репрезентаций, служит ключом к пониманию его культурной специфики. Как отмечает лингвокультуролог В. И. Карасик, «образная сторона концепта есть его чувственная, наглядная, часто метафорическая характеристика, возникающая в сознании человека при восприятии слова-имени концепта» (Карасик, 2004: 137).

В традиционной культуре народа саха нож служит важным и устойчивым знаком, указывающим на мужское начало. Эта семиотическая связь системно проявляется в обрядовой практике, мифологических представлениях и фольклорных текстах. В якутском героическом эпосе олонхо часто встречается выражение *уол оҕобут уһук тутан эрдэҕинэ, кыыс оҕобут кылаан тутан эрдэҕинэ* 'когда мальчики наши научатся держать ножи, а девочки научатся владеть ножницами'². Таким образом, нож становится символом мальчика, а ножницы — символом девочки. Данное противопоставление материализуется в обрядах, связанных с рождением мальчика, где изображение ножа, вырезанное из бересты, служило визуальным символом пола новорожденного и выполняло защитную функцию. Эти символы использовались также в ритуалах испрашивания ребенка у духов-покровителей. Согласно мифологическим верованиям, божество плодородия Айыысыт или Ийэйхсит посылает на землю душу мальчика, превращая её в нож или стрелу, а душу девочки — в ножницы (Кулаковский, 1979: 24).

В героическом эпосе олонхо нож является неотъемлемым атрибутом снаряжения богатыря. Он выполнял двойную функцию: будучи оружием ближнего боя, одновременно служил универсальным орудием в ходе долгих странствий героя:

Тоҕус кырыылаах, Кутаа уот кустуктаах, Эһэ үлүгүн саҕа хара дьайдаах Сабыылалаах батыйалаах, Эрдэҕэс күөс саҕа кутаа уот илбистээх, Кыырыктаах үнүүлээх, Тоҕус уон бууттаах тимир Чомпо сүллүгэстээх, Бизс уон бууттаах тимир Мэрилиир мээчиктээх эбитэ үһү.

Имел он девятигранную, Играющую радугой огненной Сабельную пальму с черной нечистью Великою с подстилку из медвежьей шкуры, Имел он грозное копье, пылающее огнем кровожадности Великою со средний горшок. Имел он девяностопудовую, увесистую Железную палицу-булаву³.

¹ Диалектологический словарь якутского языка = Саха тылын диалектологическай тылдьыта: содержит свыше 8500 слов / сост.: П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976. С. 83.

² Строптивый Кулун Куллуустуур = Куруубай Хааннаах Кулун Куллуустуур : якутское олонхо [сказитель И. Г. Тимофеев-Теплоухов; запись В. Н. Васильева; подгот. текста Э. К. Пекарского, Г. У. Эргиса; пер. А. А. Попова и И. В. Пухова; вступ. ст. И. В. Пухова и Г. У. Эргиса; отв. ред. А. С. Мирбадалева]. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1985. С. 142.

³ Строптивый Кулун Куллуустуур = Куруубай Хааннаах Кулун Куллуустуур: якутское олонхо ред. А. С. Мирбадалева]. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1985. С. 11.

Показательно, что в якутской паремиологии, в частности в загадках, происходит метафорическая антропоморфизация ножа, который предстаёт в образе удалого молодца или богатыря. Например: «Уол оҕо анала буолабын, тоҕус тимир чулуутунан онгоһуллубут дууна дохсуммун», — диэччи баар үһү 'Говорят, некто похваляется: "Меня, удалца из девяти отменных булатов вы ковали, да доброму молодцу предназначили"; Эрэстиин Боотур этэрбэс айаҕар инмит үһү 'Говорят, храбрый Эрэстиин-Боотур к голяшкам прирос'¹. Таким образом, нож выступает как телесное воплощение мужской души, акцентируя её активное, проникающее начало.

Быһах выполняет функцию универсального антропометрического эталона в якутской картине мира. Это наглядно демонстрирует фразеологизм *быһах быһаҕынан* 'очень обильно, много', в котором физический параметр инструмента — длина лезвия — используется как когнитивный инструмент для визуализации значительного объёма сыпучих веществ, например, в выражении: *Хаар быһах быһаҕынан түһэн эрэр* 'Снег идёт очень густо' (букв. 'начинает падать в размер лезвия ножа').

Одновременно данный артефакт выступает как семиотический индикатор родственных связей. В традиционном обществе саха, сформировавшемся в экстремальных природных условиях Севера, родственные и семейные связи выступали основным механизмом социальной кооперации и гарантией выживания человека. Как отмечал А. Е. Кулаковский, человек, принадлежащий к роду, воспринимался как полноценная социальная единица: *үгэр танаралаах, үгэр сууттаах киһи* 'человек, имеющий божество, которому молится, и суд, в котором судится', в противоположность изолированному, «дикому» существованию (Кулаковский, 1979: 210). В данной социальной парадигме *быһах* приобретает роль важного семиотического маркера, индикатора границ и качества родственных отношений. Эта функция ярко проявляется в паремиологическом фонде. Так, выражение *сурэххэ-быарга быһахтаммыкка дылы* 'подобно тому, как употребить нож против сердца и печени'² служит метафорой для обозначения тяжкого проступка — большой обиды, нанесённой ближайшему кровному родственнику. В данной паремии «сердце и печень» (*сурэх-быар*) в якутской языковой картине мира традиционно выступают символическим обозначением жизненно важного центра, средоточия жизни и душевных сил человека, что позволяет интерпретировать их как метафору основы рода и семейных уз. Соответственно, использование ножа против «сердца и печени» символизирует разрушение самих основ жизнеобеспечения и целостности рода.

Главным же правилом взаимоотношений между родными служит другая пословица: *Быһах угун кыстыбат, суор хараҕын онсубат* 'Нож не стругает своей рукоятки, ворон не выклеывает глаза ворону'³. Её смысл в том, что нельзя вредить тому, кто является частью тебя самого. Рукоять ножа (*уга*) выступает здесь метонимией «своего», неотъемлемой части единого целого. Пословица утверждает незыблемое правило внутригрупповой лояльности и взаимоподдержки: как нож не вредит сам себе, так и сородич обязан защищать своего. Таким образом, *быһах* становится инструментом осмысления и поддержания социального порядка, основанного на родовой солидарности.

Так, образный компонент концепта *быһах* 'нож' репрезентирован в якутской лингвокультуре тремя основными группами образов: 1) антропоморфные образы (нож как символ мужского начала, телесное воплощение мужской души, образ удалого молодца); 2) пространственно-количественные образы (нож как антропометрический эталон для измерения объёма); 3) социально-регулятивные образы (нож как метафора границ родственных отношений и инструмент осмысления социального порядка). Данные образные репрезентации отражают ключевые ценностные установки традиционной культуры саха: приоритет мужского начала, значимость рода и внутриродовой солидарности, а также тесную связь материальных артефактов с категоризацией окружающего мира.

¹ Саха таабырыннара = Якутские загадки / таабырыннары түмэн тылбаастаата, аан тылын суруйда, комментарийын онордо С. П. Ойунская. Якутскай : Саха сиригээҕи кинигэ изд-вота, 1975. С. 293.

² Кулаковский А. Е. Якутские пословицы и поговорки = Саха өһүн хоһооно. Якутск: Якутское государственное изд-во, 1945. С. 65.

³ Сборник якутских пословиц и поговорок = Саха өһүн хоһооннорун хомуура / сост. Н. В. Емельянов. Якутск: Якутское книжное издательство, 1965. С. 197.

Ценностный компонент

Ценностный (аксиологический) компонент концепта фиксирует отношение носителей культуры к обозначаемому объекту, его оценку в системе координат «сакральное / профанное», «свое / чужое», «опасное / безопасное». Как отмечает В. И. Карасик, «ценностная сторона концепта является определяющей для выделения самого концепта как культурно значимого ментального образования» (Карасик, 2004: 129). В якутской лингвокультуре ценностный статус *быһах* формируется прежде всего через его сакрализацию, которая задает аксиологическую рамку восприятия данного артефакта: нож осмысливается как предмет, обладающий пограничной природой — одновременно опасный и бережный, требующий особого, регламентированного обращения.

Наиболее репрезентативным проявлением ценностного компонента концепта выступает табуирование прямой номинации *быһах* и формирование системы эвфемистических замен, обусловленных его сакральным статусом. Запрет на прямое название ножа в промысловой практике маркирует его как объект, включенный в сферу ритуализированной коммуникации с миром духов. Сакральность ножа определяет его особое положение в культуре: он воспринимается не как обычный бытовой предмет, а как нечто, выходящее за рамки повседневности, а потому требующее особого обращения. Это отношение к ножу напрямую отражается в языке. Запрет называть нож прямо и использование вместо этого иносказательных названий (эвфемизмов) становятся не просто речевой привычкой, а практическим выражением той самой ценностной установки — правилом поведения, которое диктуется отношением к ножу как к сакральному предмету.

Как отмечает якутский исследователь И. П. Павлова, «тайная иносказательная речь, полная всяких условностей, прежде всего была присуща охотникам-промысловикам и дорожным людям» (Павлова, 2022: 2). Поскольку охота играла центральную роль в хозяйстве, все элементы охотничьей практики — номинации промысловых зверей, орудий и действий — подвергались эвфемизации с целью сокрытия намерений от духов-хозяев природы. Как показано в исследовании Е. Р. Николаева на материале вилуйского говора, табуирование лексики, связанной с объектами охоты (в частности, с медведем), является системным явлением, основанным на древних промысловых культах (Николаев, 2026). «Отправляясь на охоту за “промыслом пищи” (*бултуу-астыы*), промышленник прежде всего старается заручиться расположением бога огня и, чтобы задобрить его, подливает масло в огонь и приговаривает: “Госпожа Байанай с шапкой из головной шкуры! Пусть, выезжая в темный лес, никогда не возвращаюсь я с неокровавленными тороками (т. е. без убитого зверя)!”» (Худяков, 1969: 207). В рамках этой системы табуированию подверглась и базовая лексема *быһах*.

Глубинная семантика данного концепта коренится в глагольной основе *быһа-*, обладающей широким спектром значений: ‘проходить через, поперек’, ‘разрывать’, ‘отделять’, ‘отгонять’. Показательно, что от этой же основы образуются выражения, связанные с вербальной сферой и магическим мышлением: *быһа этимэ!* ‘не накличь беды, не сглазь!’, *быһа эттэххэ* ‘сказать наотрез’, *быһа хайҕаама* ‘не сглазь’. Эти идиомы отражают устойчивое поверье о том, что прямое, неосторожное слово, подобно острому лезвию, обладает силой «разрезать» ход событий, «отсесть» удачу или «накликать» беду. Таким образом, табу на прямое высказывание желаний или опасений (*быһа этиэн* ‘накликаешь беду’, *куһаҕаны ыраланыма* ‘не наворачивай себе худое’) оказывается в одной семантической парадигме с табуированием самого названия ножа. И инструмент, и слово воспринимались как силы, требующие осторожного обращения, поскольку их прямое, неподконтрольное применение могло привести к необратимым и опасным последствиям.

Этот комплекс верований непосредственно влиял на охотничью практику, формируя особый «подъязык» (*харыс тыл*), где прямое наименование ножа заменялось эвфемизмами, описывающими его форму или действие (*кырыылаах* ‘граненый’, *отойор* ‘режущий’). Следовательно, семантическое поле корня *быһа-*, объединяющее значения физического разделения и магики-речевого воздействия, служит ключом к пониманию сакрализации артефакта *быһах*. Нож становился не просто орудием, а материальным воплощением могущественной силы, способной как обеспечить жизнь, так и невольно разрушить её через нарушение табу, что и требовало его ритуального сокрытия за эвфемистическими наименованиями в контекстах, связанных с охотой и взаимодействием с духами.

В результате проведённого анализа в лексикографических источниках выявлено семь устойчивых эвфемистических субститутов для обозначения ножа: *кырыылаах* ‘гранёный’, ‘с острыми краями’, *уһуктаах* ‘остроконечный’, *отойор* ‘режущий’, *чокуйа* ‘ударяющий’ *сыркы* ‘издающий негромкий, короткий звук’, *сытыы* ‘острый’, *чылыпчык* ‘острый, тонкий, изящный’.

Их образование является классическим примером вторичной номинации, при которой новый смысл возникает посредством метафорического или метонимического переноса названия на основе сходства.

Данные эвфемизмы образуют несколько семантических групп по признаку мотивации:

- номинация по форме: *кырыылаах* 'гранёный', 'с острыми краями', *уһуктаах* 'остроконечный';
- номинация по функции: *отойор* 'режущий' (от глагола *отой* 'резать'), *чокуйа* 'ударяющий' (от глагола *чокуй* 'ударять'), *сыркы* (возможно, от глагола *сыр гын* 'издавать негромкий, короткий звук';
- номинация по качеству: *сытыы* 'острый', *чылыпчык* (от основы *чылып* 'острый, тонкий, изящный' с диминутивным суффиксом *-чык*).

В традиционной картине мира саха нож выполнял комплекс сакральных функций, выступая ключевым элементом ритуальных практик и обережной магии. В рамках шаманской традиции он использовался как инструмент трансформации и медиации. Этнографические данные свидетельствуют о ритуалах, в ходе которых шаман, осуществляя лечение, символически «впускал» в себя духов болезни, а затем прокалывал живот большим ножом насквозь. После ударов по клинку и его извлечения нож обретал вид «перегоревшего железа», что визуализировало идею уничтожения зла и ритуального возрождения шамана, сопоставимого с актом высекания нового огня. До сих пор у якутов сохранилось поверье: на пороге дома, у входной двери класть нож, посредник между мирами, он становится преградой от враждебных духов (Романова, 1997: 101–102).

Система многочисленных табу (запрет касаться огня, играть, точить ночью, переступать через нож или присваивать чужой, не дарить нож просто так) дополнительно сакрализовала предмет, регламентируя его использование. Важнейшей была охранительная функция ножа в обрядах жизненного цикла. Согласно поверьям, новорождённый, особенно в первые дни жизни, был крайне уязвим для злых духов (*абаасы*). Для его защиты в колыбель под матрас или подушку обязательно помещали нож в ножнах, поскольку считалось, что железо отпугивает нечистую силу (Гурвич, 1977: 116; Егоров 2015: 191).

Табуирование лексемы *быһах* в якутском языке обусловлено сакральным статусом ножа как ключевого орудия промысла и его включенностью в систему охотничьих верований. Запрет на прямое именование инструмента, наряду с табуированием названий зверей и промысловых действий, являлся частью ритуальной стратегии коммуникации с духами-хозяевами природы, направленной на обеспечение удачи в охоте. Данный факт подтверждает, что концепт *быһах* 'нож' в якутской лингвокультуре выходит за рамки утилитарного значения и приобретает черты сакрального артефакта, регламентированного в своем языковом выражении.

Быһах в современном социокультурном пространстве

В современном социокультурном пространстве Республики Саха (Якутия) статус *быһах* претерпел значительную трансформацию, эволюционировав от сугубо утилитарного и ритуального предмета до материального воплощения культурного кода и национального бренда Якутии. Его неповторимая форма, уходящая корнями в глубокую историю, сделала его визуальным маркером региональной идентичности (*фото*). Этот статус официально закреплён и поддерживается государством и обществом. Знаковыми явлениями, способствующими трансформации ремесла в публичную культурную практику, стали ежегодный конкурс «Дархан Уус» («Мастер»)¹ и фестиваль «Битва клинков — Кылаан Кылыс»², где осуществляется не только презентация эстетических качеств изделий, но и практическая апробация их функциональных характеристик посредством технических испытаний (на рез, гибкость и т. д.). Массовое участие сотен мастеров в указанном форуме свидетельствует о динамичном развитии кузнечного дела. Важным инструментом целенаправ-

¹ Андросов Г. Дархан Уус: Кто стал лучшим кузнецом? [Электронный ресурс] // SakhaLife. 2026, 23 февраля. URL: <https://sakhalife.ru/news/multicultural-yakutia/darhan-uus-kto-stal-luchshim-kuzneczm/> (дата обращения: 21.03.2026).

² В Якутске проходит конкурс на лучший якутский нож «Битва Клинков — Кылаан Кылыс» [Электронный ресурс] // МК в Якутии. 2025, 6 марта. URL: <https://yakutia.mk.ru/social/2025/03/06/v-yakutske-prokhodit-konkurs-na-luchshiy-yakutskiy-nozh-bitva-klinkov-kylaan-kylys.html> (дата обращения: 21.03.2026).

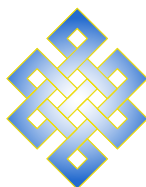

Фото. Былах из авторской булатной стали кузнеца-оружейника А. А. Данилова из личной коллекции А. С. Акимовой. Фото А. С. Акимовой, 2026 г.

Photo. A byyahk from the author's damask steel of the blacksmith-gunsmith A. A. Danilov from the personal collection of A. S. Akimova. Photo by A. S. Akimova, 2026.

ленной культурной политики, нацеленной на ревитализацию традиций, актуализацию культурных ценностей, раскрытие творческого потенциала мастеров и привлечение молодежи к кузнечному ремеслу, является регулярно проводимая с 2010 г. выставка-ярмарка «УУС-ЭКСПО» (Егоров, 2015: 151). Данное мероприятие обеспечивает платформу для профессиональной коммуникации, коммерциализации продукции и демонстрации преемственности технологического знания.

Якутские кузнецы последовательно презентуют свои работы на выставках федерального и международного уровня, получая профессиональное признание. Отдельные представители достигли статуса международных экспертов в области художественного и традиционного оружейного дела. Так, С. К. Билюкин является победителем престижного международного конкурса «Клинок» и десятикратным победителем российской выставки мастеров-изготовителей; Н. И. Потапов также удостоился первого места на российской выставке (там же: 128); А. А. Данилов стал победителем состязания «Стальные испытания»¹. При этом современные мастера (*дарханнар*) следуют древним традициямковки и обработки, передавая секреты предков: «профессия кузнеца у народа саха является потомственным занятием и передавалась внутри рода от отца к сыну вместе с инструментами и секретами мастерства» (Лексика материальной ... , 2025: 126). Таким образом, они не только сохраняют старинное мастерство, но и умело адаптируют его к современным запросам, делая якутский нож желанным предметом не только для использования, но и как объект искусства и гордости.

Особое значение в контексте устойчивости традиции приобретает работа с подрастающим поколением, поскольку приобщение молодежи к подзабытым профессиональным практикам представляет собой актуальную социокультурную задачу. Этот процесс реализуется на нескольких уров-

¹ Кузнец из Якутии победил в новом шоу «Стальные испытания» [Электронный ресурс] // ЯСИА. 2025, 12 сентября. URL: <https://ysia.ru/kuznets-iz-yakutii-pobedil-v-novom-shou-stalnye-ispytaniya/> (дата обращения: 21.03.2026).

нях: в рамках школьных уроков технологии, во внеурочной деятельности, а также через систему дополнительного образования, включающую профильные летние школы. Одной из старейших и наиболее авторитетных площадок такого рода является летняя школа «Центра творчества и духовности Мандар Уус», функционирующая с 2007 г. в Баягинском наслеге Таттинского улуса (региона, исторически знаменитого своими мастерами) под руководством народного мастера Б. Ф. Неустроева (Мандар Уус). В рамках этой школы талантливые дети получают возможность непосредственно постигать азы кузнечного дела и познавать секреты древнего ремесла (Егоров, 2015: 159).

Таким образом, якутский нож из инструмента утилитарного назначения и обрядового предмета трансформировался в один из главных символов якутской культуры, а также в узнаваемый бренд Республики Саха (Якутия). В этой связи показательно высказывание народного мастера Б. Ф. Неустроева (Мандар Уус), который еще в 1980-е гг. прогнозировал, что якуты станут известны миру как великие кузнецы. Свою мысль он объяснял просто: «У нас зима холодная, вечера длинные, что будем сидеть просто так?» (Егоров, 2015: 159). В этой фразе, при всей ее внешней лаконичности, отражается глубинная мировоззренческая установка: суровые природные условия (долгая зима, вынужденное пребывание в замкнутом пространстве) воспринимаются не как препятствие, а как стимул к развитию ремесленной деятельности и творческому поиску. Сегодня этот прогноз находит свое подтверждение в возрождении и расцвете кузнечного дела в Якутии, одним из ярких проявлений которого стала широкая популярность якутского ножа — как в регионе, так и далеко за его пределами.

Заключение

Проведённое исследование позволяет утверждать, что концепт *быһах* ‘нож’ является сложным, многоуровневым образованием, в котором переплетаются языковые, мифологические, социальные и аксиологические коды якутской культуры.

Концептуальность *быһах* для якутов и их культуры заключается в его системообразующей роли, которая пронизывает все ключевые сферы жизнедеятельности и мировоззрения. В материальной сфере нож выступает как универсальное орудие, обеспечивающее выживание в суровых природных условиях, что предопределило его особый статус. В социальной

организации он служит маркером половозрастных ролей (символ мужского начала) и этическим регулятором, кодирующим нормы внутриродовой солидарности и ответственности. В духовной культуре *быһах* функционирует как медиатор между мирами: он выступает оберегом, объектом табу, инструментом в шаманских ритуалах и неизменным атрибутом фольклорных героев, нередко персонифицируясь и обретая черты живого существа. Табуирование прямой номинации ножа в охотничьей практике служит наиболее ярким лингвистическим свидетельством его глубокой сакрализации.

Так, значение *быһах* для якутов выходит далеко за рамки утилитарного инструмента. Он связывает в единый узел практику выживания, социальные роли, обрядовые действия и ценностные представления, выступая одним из ключевых, опорных концептов традиционной картины мира.

В современном социокультурном пространстве статус *быһах* претерпел закономерную трансформацию: от предмета повседневного обихода и ритуального атрибута он эволюционировал в национальный бренд и визуальный символ этнической идентичности. Ежегодные конкурсы и фестивали, такие как «Дархан Уус» и «Битва клинков — Кылаан кылыс», способствуют не только сохранению, но и динамичному развитию кузнечного ремесла, обеспечивая преемственность мастерства и привлечение молодежи.

Таким образом, концепт *быһах* ‘нож’ демонстрирует, как конкретный артефакт материальной культуры, обусловленный хозяйственным укладом, становится ядром для формирования целостной системы смыслов, регулирующих отношения человека с миром, обществом и сакральной сферой. Отражённый в языке и фольклоре, сакрализованный в традиции и актуализированный в современной культурной политике, якутский нож остается живым символом, концентрирующим в себе историческую память и этнокультурную идентичность народа саха.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдразакова, Г. Ш. (2022) Концепт «юрта» в киргизской языковой картине мира // Бюллетень науки и практики. Т. 8. № 6. С. 796–802. DOI: <https://doi.org/10.33619/2414-2948/79/92>
- Акимова, А. С., Федорова Е. П. (2021) Кузнечные термины, относящиеся к якутскому ножу // Современное педагогическое образование. № 10. С. 208–210.
- Алексеев, А. Н. (1996) Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН. 144 с.
- Антонов, Н. К. (1977) О якутских металлургических терминах // Полярная звезда. № 6. С. 108–109.
- Аргунов, Э. А., Кривошапкина, О. Г. (2024) Якутский нож: традиции и современность (изготовление якутского ножа) // Айыы Тангара и кузнечный культ в тэнгрианстве: сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции (21 сентября 2024 г., с. Нам, Республика Саха (Якутия), Россия) / отв. ред. Л. В. Федорова; редкол.: А. М. Копырин, Н. П. Уарова. Якутск : Международный фонд исследования Тенгри. 162 с. С. 15–36.
- Бочина, Т. Г. (2025) Тувинские загадки об артефактах в лингвокогнитивном аспекте // Новые исследования Тувы. № 4. С. 305–320. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.17>
- Воркачёв, С. Г. (2004) Счастье как лингвокультурный концепт. М. : Гнозис. 236 с.
- Воронкин, М. С. (1984) Северо-западная группа говоров якутского языка. Якутск : Книжное изд-во. 224 с.
- Гурвич, И. С. (1977) Культура северных якутов-оленьеводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. М. : Наука. 244 с.
- Дербишева, З. К. (2023) Артефакт «юрта» как объект киргизской и тувинской лингвокультуры // Сибирский филологический журнал. № 1. С. 257–271. DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/82/19>
- Егоров, Н. И. (2015) Саха быһаҕа = Якутский нож. Якутск : Бичик. 204 с.
- Есенова, Г. Б., Есенова, Т. С. (2012) *Ээжин цэ* как прецедентный феномен лингвокультуры калмыков // Урал-алтайские исследования. № 2 (7). С. 7–13.
- Есенова, Г. Б., Есенова, Т. С. (2025) Концепт *aah* 'пиала' в лингвокультуре калмыков // Новые исследования Тувы. № 4. С. 417–435. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.22>
- Жданова, Т. А. (2024) Паремииологические средства выражения концепта орудия труда в русской языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. № 1-2 (57). С. 41–45.
- Замалетдинов, Р. Р., Хуснуллина, Г. Н. (2014) Лингвокультурологические особенности наименований посуды и кухонной утвари в татарском языке // Филология и культура. № 4 (38). С. 95–100.
- Калужиньски, С. (1978) Этимологические исследования по якутскому языку. Двусложные основы (I-VIII) // Rocznik Orientalistyczny. Т. 39. З. 2. S. 1–116.
- Карасик, В. И. (2004) Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена. 477 с.
- Карасик, В. И., Слышкин, Г. Г. (2001) Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / под ред. И. А. Стернина. Воронеж : ВГУ. 181 с. С. 75–80.
- Константинов, И. В. (1978) Ранний железный век Якутии. Новосибирск : Наука. 127 с.
- Кулаковский, А. Е. (1979) Научные труды. Якутск : Книжное изд-во. 484 с.
- Лексика материальной культуры в якутском языке (2025) / А. С. Акимова, Ю. М. Борисова, Л. М. Готовцева и др. Новосибирск : СО РАН. 206 с.
- Лихачев, Д. С. (1997) Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / под ред. В. П. Нерознака. М. : Academia. 320 с. С. 280–287.
- Малышев, Е. Д. (2025) Особенности клинка якутского ножа мастеров Таттинского района // Научные высказывания. № 1 (69). С. 31–34.
- Машкович, И. А. (2020) Концепт «еда» в русской лингвокультуре // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. № 1. С. 90–97.
- Николаев, Е. Р. (2026) Эвфемистические названия частей тела медведя в вилюйском говоре якутского языка // Новые исследования Тувы. № 1. С. 386–398. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.21>
- Павлова, И. П. (2022) Приемы эвфемистической субституции в табуированной речи (на материале якутского языка) // Мир науки. Социология, филология, культурология. Т. 13. № 2. С. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.15862/51FLSK222>

Попов, В. Г. (2019) Названия видов старинного якутского наступательного холодного оружия как объекта сравнительного исследования // Северо-Восточный гуманитарный вестник. № 1 (26). С. 106–116. DOI: <https://doi.org/10.25693/SVG.2019.01.26.016>

Попова, З. Д., Стернин, И. А. (2007) Когнитивная лингвистика. М. : АСТ : Восток–Запад. 314 с.

Романова, Е. Н. (1997) Люди солнечных лучей с поводьями за спиной: (судьба в контексте мифоритуальной традиции якутов). М. : Координационно-методический центр ИЭА РАН. 200 с.

Серошевский, В. Л. (1993) Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М. : Российская политическая энциклопедия. 736 с.

Степанов, Ю. С. (2004) Константы: Словарь русской культуры (3-е изд.). М. : Академический проект. 992 с.

Уваровской, А. Я. (2003) Ахтыылар = Воспоминания. Дьокуускай : Бичик. 208 с.

Худяков, И. А. (1969) Краткое описание Верхоянского округа. Л. : Наука, Ленинградское отделение. 437 с.

Шхумишхова, А. Р., Сапиева, С. К. (2022) Концепт «еда» и характеристика лексико-тематической группы «пища» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. № 2 (297). С. 116–121.

Дата поступления: 10.02.2026 г.

Дата принятия: 01.04.2026 г.

REFERENCES

Abdrazakova, G. Sh. (2022) The concept “yurta” in the Kyrgyz linguistic worldview. *Byulleten' nauki i praktiki*, vol. 8, no. 6, pp. 796–802. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.33619/2414-2948/79/92>

Akimova, A. S. and Fedorova, E. P. (2021) Blacksmith terms relating to the Yakut knife. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*, no. 10, pp. 208–210. (In Russ.)

Alekseev, A. N. (1996) *Ancient Yakutia: Neolithic and Bronze Age*. Novosibirsk, IAEt SO RAN. 144 p. (In Russ.)

Antonov, N. K. (1977) On Yakut metallurgical terms. *Polyarnaya zvezda*, no. 6, pp. 108–109. (In Russ.)

Argunov, E. A. and Krivoschapkina, O. G. (2024) The Yakut knife: tradition and modernity (making the Yakut knife). In: *Aiyy Tangara and the blacksmith cult in Tengrianism: proceedings of the 4th All-Russian scientific and practical conference (21 September 2024, Nam village, Republic of Sakha (Yakutia), Russia)*, ed. by L. V. Fedorova; editorial board: A. M. Kopyrin, N. P. Uarova. Yakutsk, Mezhdunarodnyy fond issledovaniya Tengri. 162 p. Pp. 15–36. (In Russ.)

Bochina, T. G. (2025) Tuvan riddles about artifacts in a linguocognitive perspective. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 305–320. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.17>

Vorkachev, S. G. (2004) *Happiness as a linguocultural concept*. Moscow, Gnozis. 236 p. (In Russ.)

Voronkin, M. S. (1984) *The northwestern group of Yakut dialects*. Yakutsk, Knizhnoe izdatel'stvo. 224 p. (In Russ.)

Gurvich, I. S. (1977) *Culture of the northern Yakut reindeer herders. On the late stages of the formation of the Yakut people*. Moscow, Nauka. 244 p. (In Russ.)

Derbisheva, Z. K. (2023) The artifact “yurta” as an object of Kyrgyz and Tuvan linguoculture. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 257–271. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/82/19>

Egorov, N. I. (2015) *Sakha byhaҕa = The Yakut knife*. Yakutsk, Bichik. 204 p. (In Russ.)

Esenova, G. B. and Esenova, T. S. (2012) *Eejin tsə* as a precedent phenomenon of the Kalmyk linguoculture. *Uralo-altaiskie issledovaniya*, no. 2 (7), pp. 7–13. (In Russ.)

Esenova, G. B. and Esenova, T. S. (2025) The concept *aah* ‘bowl’ in the linguoculture of the Kalmyks. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 417–435. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.22>

Zhdanova, T. A. (2024) Paremiological means of expressing the concept of tool in the Russian linguistic worldview. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. 1–2 (57), pp. 41–45. (In Russ.)

Zamaletdinov, R. R. and Khusnullina, G. N. (2014) Linguoculturological features of names for tableware and kitchen utensils in the Tatar language. *Filologiya i kul'tura*, no. 4 (38), pp. 95–100. (In Russ.)

Kaluzinski, S. (1978) Etymological studies in the Yakut language. Disyllabic stems (I–VIII). *Rocznik Orientalistyczny*, vol. 39, no. 2, pp. 1–116. (In Russ.)

Karasik, V. I. (2004) *The linguistic circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd, Peremena. 477 p. (In Russ.)

- Karasik, V. I. and Slyshkin, G. G. (2001) The linguocultural concept as a unit of research. In: *Methodological problems of cognitive linguistics: a collection of scientific papers*, ed. by I. A. Sternin. Voronezh, VGU. 181 p. Pp. 75–80. (In Russ.)
- Konstantinov, I. V. (1978) *The Early Iron Age of Yakutia*. Novosibirsk, Nauka. 127 p. (In Russ.)
- Kulakovskiy, A. E. (1979) *Scholarly works*. Yakutsk, Knizhnoe izdatel'stvo. 484 p. (In Russ.)
- Lexicon of material culture in the Yakut language* (2025). A. S. Akimova, Yu. M. Borisova, L. M. Gotovtseva et al. Novosibirsk, SO RAN. 206 p. (In Russ.)
- Likhachev, D. S. (1997) The conceptsphere of the Russian language. In: *Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text: An Anthology*, ed. by V. P. Neroznak. Moscow, Academia. 320 p. Pp. 280–287. (In Russ.)
- Malyshev, E. D. (2025) Features of the blade of Yakut knives made by masters of the Tattinsky district. *Nauchnye vyskazyvaniya*, no. 1 (69), pp. 31–34. (In Russ.)
- Mashkovich, I. A. (2020) The concept “food” in Russian linguoculture. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psikhologiya*, no. 1, pp. 90–97. (In Russ.)
- Nikolaev, E. R. (2026) Euphemistic names for parts of the bear's body in the Vilyuy dialect of the Yakut language. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 386–398. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.21>
- Pavlova, I. P. (2022) Methods of euphemistic substitution in taboo speech (based on the Yakut language). *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya*, vol. 13, no. 2, pp. 1–10. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15862/51FLSK222>
- Popov, V. G. (2019) Names of types of traditional Yakut offensive cold weapons as an object of comparative study. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*, no. 1 (26), pp. 106–116. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25693/SVG.2019.01.26.016>
- Popova, Z. D. and Sternin, I. A. (2007) *Cognitive linguistics*. Moscow, AST; Vostok–Zapad. 314 p. (In Russ.)
- Romanova, E. N. (1997) *People of sunrays with reins behind their backs: fate in the context of the mytho-ritual tradition of the Yakuts*. Moscow, Koordinatsionno-metodicheskiy tsentr IEA RAN. 200 p. (In Russ.)
- Sieroshevskiy, V. L. (1993) *The Yakuts. An ethnographic study*. 2nd ed. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 736 p. (In Russ.)
- Stepanov, Yu. S. (2004) *Constants: A dictionary of Russian culture* (3rd ed.). Moscow, Akademicheskiy proekt. 992 p. (In Russ.)
- Uvarovskai, A. Ya. (2003) *Akhtyyilar = Memoirs*. Dyokuuskay, Bichik. 208 p. (In Russ.)
- Khudyakov, I. A. (1969) *Brief description of the Verkhoyansk district*. Leningrad, Nauka, Leningrad branch. 437 p. (In Russ.)
- Shkhumishkhova, A. R. and Sapieva, S. K. (2022) The concept “food” and the characteristics of the lexical-thematic group “food”. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya i iskusstvovedenie*, no. 2 (297), pp. 116–121. (In Russ.)

Submission date: 10.02.2026.

Acceptance date: 01.04.2026.